
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.

OCR Бычков М.Н.

Вечер был холодный, уже совсем осенний. Над поредевшими деревьями сада и черными крышами сараев остро блеснул тоненький синий месяц, и в холодном небе блеск его был тревожен и загадочен. Молча смотрел он на черную неподвижную землю, в которой не чудилось живой жизни, и что-то видел, что-то понимал, чего никогда не узнать и не понять людям. Так над огромной черной могилой ночью встает таинственный синий огонек и тихо стоит над поникшими травами, молчаливо грустя над чьей-то неисповедимой судьбой.

На балконе старого барского дома одиноко горела свеча в стеклянном колпаке, и толстая с короткими пальцами рука бывшего прокурора неприятно ползала по залитой красным вином скатерти, посреди грязных тарелок и стаканов, бросая черную паучью тень.

Старый прокурор давно жил в этой забытой усадьбе вымерших бар. Он совсем опустился, опился, обрюзг, и его огромная косматая голова напоминала угрюмую морду старого медведя, издыхающего где-нибудь в лесной глуши, никому не нужного, злого и одинокого.

И голос у него был такой глухой, как будто говорить ему давно не приходилось, а слушать нужно было только разве уханье выпи над болотом. Только порой, когда он раздражался, в толстом горле его что-то злобно взвизгивало.

- Так-то, мой дорогой друг! - говорил он молоденькому франтоватому следователю Веригину, поневоле заехавшему к нему дорогой с одного дальнего следствия на другое. - Это только так принято думать... потому что удобней... будто вся беда происходит от несовершенства суда и правовых отношений. А на самом деле причина лежит гораздо глубже... Нет такой формы возмездия, которая не таила бы в себе прямой или косвенной, но непременно самой варварской, глупой и жестокой несправедливости. Я, знаете, пришел к тому заключению, что если есть вообще форма возмездия, которой можно отдать предпочтение хотя бы в силу ее внутреннего смысла, то это только - форма личного возмездия... Да, дорогой мой!.. Это так, и вольтерьянцы напрасно ропщут. Грустно, но факт! Печально, но естественно!.. Да!.. Дайте-ка мне бутылочку, мой друг, я выпью. Холодно уже становится... Ранняя в этом году осень. И не запомню.

- Послушайте, Кирилл Кириллович! - возмущенно крикнул Веригин. - Ведь это же черт знает, какая бессмыслица, о чем вы говорите!.. Отдаете ли вы себе отчет?.. Ведь это же варварство, самосуд, закон Линча!

Старый прокурор отяжелевшим взглядом пьяного человека посмотрел на своего гостя и уродливо искривил губы.

- Птенчик вы мой зеленый! - вдруг с неожиданной злостью сказал он. - А почему вы знаете: может быть, закон Линча и есть та идеальная, единственно разумная форма правосудия, вокруг и около которой человечество будет ходить вечно и на которую так-таки и не набредет никогда. Может быть, потому, что мужества не хватит, а может быть... Впрочем, если бы и набрело, то от этого только еще большая беда вышла бы!

Старый прокурор замолчал и стал тянуть вино, вытянув толстую нижнюю губу. Крупные, красные, как кровь, капли тяжело падали на его нечистый парусиновый жилет и расплывались мутными пятнами; а дряблое толстое горло набухало и спадало, как будто в нем двигалось что-то круглое и живое.

- Если вам так нравится закон Линча, то почему же вы думаете, что от него еще большая беда произошла бы?.. Казалось бы - наоборот! - с усиленной иронией произнес следователь.

- Разве мне закон Линча нравится? - удивился прокурор, как будто бы не совсем искренно. - Мне ровно ничего не нравится!.. Отдаю предпочтение, друг мой... отдаю предпочтение, а не нравится... В этом глубокая разница!.. Прошу заметить. А беда произошла бы вот почему: огромное большинство людей живет только потому, что права личного возмездия не существует в современном строе. Да вряд ли когда-нибудь в чистом виде и существовало!.. Вообразите, что произошло бы, если бы каждому человеку надо было бы это право!.. Ведь на всем земном шаре, дай Бог, чтобы нашлось две сотни человек, которых бы никто не тронул, как людей действительно не вредных, не подлых, не сделавших во всей жизни ни одного преступления... или по крайней мере не мешающих жить